

**Отзыв официального оппонента
на диссертацию Беликовой Марии Андреевны
«Репрезентация современного города и технического прогресса в работах
художников Новой вещественности (Германия, 1920-1930-е годы)»,
представленную на соискание ученой степени кандидата
искусствоведения по специальности 5.10.3. Виды искусства
(изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура)
(искусствоведение)**

Диссертация М.А. Беликовой «Репрезентация современного города и технического прогресса в работах художников Новой вещественности (Германия, 1920-1930-е годы)» обращена к одной из центральных проблем немецкого искусства межвоенного периода. Исследовательский интерес к течению Новой вещественности за рубежом стабильно высок в связи с тем, что оно явилось реакцией на бурный процесс модернизации немецкого общества после окончания Первой мировой войны, в нем нашли своеобразное и оригинальное воплощение важнейшие цивилизационные процессы и проблемы XX века – социальные кризисы, становление массового общества, конвейерное производство, урбанизация и потребительство. В нашей стране живопись Новой вещественности исследовалась не очень широко.

Все сказанное свидетельствует об актуальности работы М.А. Беликовой, которая также определяется связью её проблематики с современными исследованиями модернистской живописи в аспектах традиции и экспериментальности, жанрового развития, взаимодействия с медиа. Предмет диссертации – художественная репрезентация города и техники – вписывается в контекст исследований феномена урбанизма и городского текста в разных отраслях гуманитарного знания. Новизна работы не вызывает сомнений: это первое систематическое исследование живописи Новой вещественности в нашей стране, а представленный в диссертации аспект не становился объектом комплексного изучения. Стоит отметить и то, что в работе впервые рассматривается творчество таких художников, как К. Гроссберг, Ф. Радзивилл, К. Хуббух, Г. Вундервальд и О. Нерлингер.

Работа М.А. Беликовой вносит значительный вклад в понимание основных направлений творческого поиска художников Новой вещественности в их попытке стать свидетелями общественного и технического развития начала XX в. Одним из главных достоинств диссертации является то, что в ней отразилась многообразная и противоречивая картина европейского и частично американского искусства первой трети XX века, подробно проанализированы сложные взаимодействия Новой вещественности и экспрессионизма, итальянской метафизической живописи, футуризма, дадаизма, американского прецизионизма в плане презентации городского и индустриального ландшафтов. Стоит отметить, что творческие биографии изучаемых авторов рассмотрены в длительной временной перспективе – говорится о рецепции их творчества при национал-социализме (п. 1.7.), что позволяет автору заострить и политический аспект рассматриваемой проблемы, очень значимый в исследованиях немецкого искусства межвоенного периода. Широкая эрудиция автора, глубокое проникновение в тему проявляются ещё и в намеченных в работе связях урбанистических мотивов живописи и литературы Новой вещественности. Чрезвычайно важным и новаторским аспектом представляется проблема взаимодействия Новой вещественности с медиа, бурно развивавшимися в «золотые двадцатые» - радио и фотографией, ставшими как объектом художественной презентации и так и оказавшими влияние на изобразительную технику изучаемых художников (п. 2.5, с.157-163).

Теоретическая значимость исследования состоит в обосновании существенных характеристик стиля и художественного мировоззрения Новой вещественности, систематизации способов художественной презентации урбанистической среды в творчестве изучаемых художников, определении жанровой специфики работ, посвященных городу, её динамики. Важным теоретическим результатом является предложенная автором классификация тенденций в презентации города в Новой вещественности: одни художники акцентировали социальные проблемы города, другие изображали город и технику с высокой степенью абстракции (см. Положения с. 14-15). Материалы, методология и результаты работы могут быть использованы как при дальнейшем изучении искусства межвоенного периода, так и при создании курсов лекций по дисциплинам искусствоведческого цикла в высших учебных заведениях и гимназиях гуманитарного профиля – что говорит о **практической применимости** работы. Положения, выносимые на защиту, убедительны и концептуально отражают основные результаты проведенной работы.

Структура диссертации отличается чёткостью, во введении, трех главах и заключении последовательно раскрываются поставленные задачи.

В первой главе даётся общий абрис развития Новой вещественности как художественного течения: изучается социокультурная ситуация послевоенной Германии как фактор его формирования, связь Новой вещественности и дадаизма как двух течений, отличавшихся антиэкспрессионистской направленностью, вещность и деиндивидуализация как эстетические установки Новой вещественности, воспринятые от итальянской метафизической живописи. Поскольку диссертация посвящена образам городской среды, то, как представляется, в первой главе была бы уместна более подробная характеристика урбанизации, происходившей в Германии на рубеже XIX-XX вв., а также исключительной роли Берлина как политического, социального, культурного центра Германии. Новая вещественность в исследовании рассматривается как стиль (п. 1.5.) и художественное мировоззрение (1.7.), при этом совершенно справедливо говорится о противоречивом и синтетическом характере этого явления. Чрезвычайно интересны и наблюдения над жанровым диапазоном Новой вещественности: портрет, жанровая сцена, пейзаж, натюрморт и др., в которых отражается кризисный характер эпохи и специфическая антропология «холодной персоны» (Г. Летен).

Вторая и третья главы работы посвящены творчеству художников Новой вещественности, которое анализируется в контексте предложенной автором работы классификации. На протяжении всей диссертации М.А. Беликова неизменно возвращается к сложному и неоднозначному аспекту в изучении Новой вещественности: взаимодействию с экспрессионизмом, эстетические принципы которого в Новой вещественности в чем-то отвергались, а в чем-то сохранялись. В главе убедительно обозначены основные параметры отличия образа города в Новой вещественности от экспрессионизма - сокращение эмоциональности, смена динамики статикой, изменение цветовой гаммы, усиление социально-критического начала. Проанализирована эволюция образа города в Новой вещественности: сильное влияние футуризма и экспрессионизма в раннем творчестве Г. Гросса, О. Дикса и К. Хуббуха, обуславливающее восприятие города как пространства борьбы природных стихий и царства первобытных инстинктов (п. 2.2.), затем превращение манекена в прообраз городского обывателя под воздействием итальянской *pittura metafisica*, обретение городской средой черт театрализованности и искусвенности (п.2.3), и, наконец, кристаллизация

Новой вещественности как течения, обращенного в первую очередь к социальным проблемам, а также к маргинальным сторонам жизни мегаполиса, изображавшимся в гротескной шокирующей манере (п. 2.4.). Интересен предложенный автором анализ проблемы проституции в живописи Новой вещественности как критики коммерциализации современного мира (с. 128-135). В параграфе 2.5., посвященному портретам с радио и техническими приборами, обосновывается точка зрения, согласно которой в Новой вещественности доминирует критический взгляд на радио, которое связывается не с просвещением, а с одиночеством радиослушателей в условиях тотальной техннизации жизни.

В отдельных случаях аргументация автора, объясняющего те или иные художественные явления биографическим и социальным контекстом, вызывает некоторые возражения. Например, в отношении триптиха О. Дикса «Мегаполис» говорится, что поскольку его автор был неотъемлемой частью стиля жизни «ревущих двадцатых», его отношение к развлечениям мегаполиса не могло быть «негативным» (с. 120-121). Распространенность в живописи сюжета убийства на сексуальной почве объясняется тем, что это была «актуальная повестка дня» (с. 136-139), хотя затем диссертант признает, что, вероятно, причина обращения к этим сюжетам заключалась в травмирующем психику опыте Первой мировой войны. Во второй главе исследования говорится, что художники Новой вещественности изучали, в первую очередь, «социальные противоречия» своего времени, но материал главы показывает, что проблематика их работ выходит за рамки социального анализа и проявляет категории модернистского мировидения: отчуждение, мир (город) как хаос, травма, первобытные инстинкты и власть бессознательного. Это подчеркивает обозначенную в диссертации «синтетичность» Новой вещественности, как модернистского течения, опиравшегося на реалистические традиции.

Третья глава посвящена художникам, примыкающим к Новой вещественности и воплощающим в своем творчестве технический прогресс. В параграфе 3.1. проанализированы взаимоотношения живописи и фотографии в 1920-е-1930-е гг. Убедительно показано влияние фотографии на мировоззрение художников, выражющееся в стремлении «отстраниться от турбулентной реальности», уйти в сферу «чистых форм» (с. 162). Эти рассуждения стоило бы дополнить тем, что фотография воспринималась и как способ сократить авторскую субъективность и оценку изображаемого (например, в эссе Э. Юнгера «О боли») – к чему стремились представители Новой вещественности. Автором диссертации подробно изучено отношение к

техническому прогрессу видных философов, деятелей культуры (О. Шпенглера, А. ван дер Вельде, Ф. Дессауэра и др.). Центральными фигурами в этой главе выступают К. Гроссберг, Ф. Радзивилл, Г. Вундервальд и О. Нерлингер. В параграфе 3.2. диссертант рассматривает романтизированное восприятие техники К. Гроссбергом как непостижимого, таинственного культового объекта (с. 168-169). Интересны рассуждения о сближении творчества Гроссбера с сюрреалистической эстетикой сновидения, символизм его техницистских фантазий, отражающих идею о вытеснении человека в техницизированном мире. В параграфе 3.3. автор работы обращается ещё к одному сложному и неоднозначному термину – «магический реализм», в контексте которого проанализировано творчество Ф. Радзивилла. Рассмотренные в главе образы города Ф. Радзивилла и Г. Вундервальда контрастируют с изображениями Г. Гросса, О. Дикса и др., поскольку в них изображается не столица, а периферия – окраины, провинциальные города – что подчеркивает многоплановость и многозначность урбанистической эстетики изучаемого периода.

В качестве ещё одного несомненного достоинства работы отметим обширное приложение, содержащие работы художников Новой вещественности, являющиеся предметом анализа в диссертации, многие из которых неизвестны широкой публике.

Проведенное М.А. Беликовой глубокое и многоаспектное исследование закономерно вызывает некоторые вопросы и замечания, которые позволю себе высказать далее:

1. В параграфе 1.6. диссертации, посвященному мировоззрению Новой вещественности, рассматривается концептуальный вопрос об отношении представителей этого течения к традиции. Автор утверждает, что в условиях хаотичной послевоенной действительности художники искали опору в традиции (с. 67). О какой традиции идёт речь в данном случае: о манере изображения, характерной для мастеров Северного возрождения или о реалистической традиции? Как показывает работа, связь с Северным возрождением просматривается в творчестве многих художников Новой вещественности, проявлялась ли она только на уровне приемов изображения, или также в общности мотивов, жанров, в мировоззренческой близости?

2. На наш взгляд, стоило бы больше внимания уделить проблеме мифологизации городской среды в экспрессионизме и Новой вещественности.

Рассмотренные в работе экспрессионистские образы города-организма (с. 81), борьбы света и тьмы (с. 81), эсхатологические мотивы (с. 82-83), образы города-лабиринта (с. 86), Берлина-ада (с. 87, с. 96) и др. – отражают экспрессионистское мифомышление. Говоря о развитии творческой манеры Макса Бекмана от экспрессионизма к Новой вещественности (от цикла «Ад» к циклу «Поездка в Берлин»), автор диссертации справедливо указывает на переориентацию с внутреннего мира на внешний (с. 90), но, кроме этого, заметно, что художник отказывается от мифологизма в пользу социального критицизма. Можно ли рассматривать урбанизм Новой вещественности как попытку демифологизации образа города, которая, по сути, не увенчалась успехом, поскольку, как показывает исследование, мифологизм пронизывает городские образы Р. Шлихтера, О. Дикса, Ф. Радзивилла и др.?

3. Автор работы несколько раз ссылается на известную работу Гельмута Летена, в которой выделены антропологические типы Новой вещественности, в частности, «холодная персона». Можно ли в рассмотренных в диссертации работах художников увидеть и противоположный этому тип – «кеятуру»? Например, убийцы на почве страсти, проститутки, калеки?

Высказанные здесь и по ходу рассуждений замечания и вопросы носят дискуссионный характер, не противоречат концепции исследования и относятся к области дальнейших перспектив изучения Новой вещественности. Диссертация М.А. Беликовой представляет собой актуальное, глубокое, оригинальное исследование, выполненное на высоком научном уровне.

Автореферат и список публикаций, включающий в себя 9 работ, 4 из которых опубликованы в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ, в полной мере отражают результаты проведенного исследования. Диссертация М.А. Беликовой прошла достаточную апробацию на научных конференциях и семинарах разного уровня в России и за рубежом.

Таким образом, диссертация Беликовой Марии Андреевны «Репрезентация современного города и технического прогресса в работах художников Новой вещественности (Германия, 1920-1930-е годы)», соответствует требованиям п. 9-14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 г. № 842 «О порядке присуждения ученых степеней», предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата наук.

Диссертант, Беликова Мария Андреевна заслуживает присуждения ей ученой степени кандидата искусствоведения по специальности 5.10.3. – Виды искусства. (изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура) (искусствоведение).

Официальный оппонент:

Доктор филологических наук: 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (литература стран германской и романской языковых семей), доцент, заведующий кафедрой русского языка как иностранного ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»

Дронова Ольга Александровна

01.06.2023

Контактные данные:

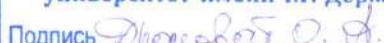
392036, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

8 (4752) 72-90-02; 8 (4752) 72-34-34

<https://www.tsutmb.ru/>

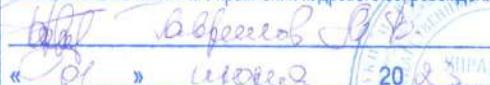
post@tsutmb.ru

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный
университет имени Г.Р. Державина»

Подпись

ЗАВЕРЯЮ

Заместитель начальника Управления кадрового сопровождения

« 01 » июня 20 г.

